

СЕКЦИЯ №5
ИСТОРИЯ СПОРТА И ОЛИМПИЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗА РУБЕЖОМ

УДК 796.011+930.85

ОСОБЕННОСТИ ТЕЛЕСНОГО ВОСПИТАНИЯ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Пегов В.А.

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет спорта»,
г. Смоленск, Российская Федерация

Сами обстоятельства возникновения Рима указывают на нечто совершенно новое в историческом развитии человечества. В тот же самый момент, когда в архаической Элладе организуется и проводится первый мистериальный Олимпийский агон в 776 г. до н.э., в 753(4) г. до н.э. братья Ромул и Рем принимают решение создать новый город. Традиция производит их от царя Энея (приплывшего из малоазийского мистериального центра Трои), от их деда Нумитора, царя другого древнего мистериального центра – Альба Лонги. Но вместо того чтобы следовать мистериальной традиции и быть царями-жрецами Альба Лонги, Ромул и Рем создают город «с нуля». Поэтому первыми жителями города вне традиций могли быть только изгои; радикальная новизна возникновения Рима была связана с тем, что его создали простые люди. Лишь второй царь Нума Помпилий, этруск и жрец, в какой-то степени окультурил этих изгоев и разбойников. Но главным был изначальный импульс возникновения этой цивилизации, который в полной мере проявился в 510 г. до н.э., когда римляне не просто изгоняют седьмого царя, но изобретают новую форму государственности. Если афиняне в это же самое время придумали демократию, то римляне создали нечто иное – *республику*, *римское право*, ставшие эволюционной новацией в развитии человечества. Рассудочная часть душевной организации людей впервые заявляет о себе в истории – в космически-возвышенном варианте в Древней Греции и в приземлённом в Древнем Риме. Римляне, военным путём завоёвавшие Ахею, с большой долей презрения называли греков *«левитас»* – парящими в мире эйдосов (идей). Сейчас бы мы сказали о греках, что они были *«теоретики»*. Себя римляне называли *«гравитас»*, «приземлёнными», что было составляющей римских добродетелей, из которых складывалась *«virtus»* («доблесть»), их земная практичность. Соответственно, римлян мы бы назвали *«практиками»*.

У древнегреческих философов данная двойственность разрабатывалась понятийно. В результате рождаются известные нам и противопоставленные друг другу понятия «теория» и «практика». У римлян же полярности прорабатывались в противостоянии патрициев и плебеев в политико-правовой сфере, которая была чрезвычайно практичной, прагматичной и рациональной. Латинское *рацио*- имеет более двадцати значений, но самое первое из них *«считать»*. Цицерон очень точно выразил разницу между греческим и римским мировосприятием: «Греки изучали геометрию, чтобы познать мир, а римляне для того, чтобы измерять земельные участки». Телесные навыки нужны были при двух обстоятельствах – земледелии и ежегодных войнах. Геометрия становится способом экспансии, превращением чужого в свое, что нашло выражение в «Таблицах права», законодательстве по строительству грандиозной сети дорог империи. «Таблицы права» регламентировали ширину дорог на прямолинейных и криволинейных участках, а также технологию их кладки. Страбон в «Географии» говорил о том, что если греки при основании городов достигали цели в стремлении к красоте, неприступности, наличию гаваней и плодородию почв, то римляне как раз заботились о том, на что греки не обращали внимание вообще – о постройке дорог, водопроводов, клоак.

По мере разработки римского права тело (лат. *«corpus»*) юридическим образом утверждается в сознании римлян. Так, например, *«физическое лицо»* (человек) возникает в этом мире в момент отделения плода от тела матери. Чтобы родившегося смогли признать «физическим лицом», было необходимо наличие ряда признаков: жизнь, человеческий образ, до-

статочное развитие. По римскому праву не родившееся дитя не может быть «физическим лицом», т.к. это часть материнского тела. Можно ещё интенсивнее прочувствовать разницу между рациональной казуистикой римского права на фоне достаточно простых божественных заповедей у того или иного древнего народа (Декалог Моисея, «Книга мёртвых»). Это различие, в том числе, проявлялось и по отношению к телу. Например, в юридическом понятии «*владение*». Как учили римские юристы, в каждом факте владения необходимо было различать два элемента: *corpus possessionis* (тело владения, фактическое обладание вещью; объективный телесный элемент); *animus possessionis* (душа владения, т.е. наличие воли владельца иметь вещь у себя, сохранить её за собой и обращаться с ней как с собственной; субъективный душевный элемент). Классические римские юристы не связывали *corpus possessionis* непременно с физическим держанием вещи. Для факта владения не было необходимости взять вещь «*corpore et tactu*» (буквально «*телом и прикосновением*»), в силу того, что, например, по отношению к некоторым вещам (зданию, колоннам и т.п.) это вообще невысказано. Достаточно охватить вещь «*oculis et affectu*» («*глазами и намерением*»). Юридическая казуистика доходила до такой степени, что, например, положение лица в отношении вещи – *corpus possessionis* – признавалось таковым, если вещь находилась в жилище собственника, а если данная вещь находилась за пределами жилища, то *corpus possessionis* её уже признать было нельзя. Но если речь шла о брёвнах, лежащих перед воротами дома, то названные строительные материалы считаются *corpus possessionis*, потому что в реальности для этих вещей такое положение естественно [3].

Здесь можно ярко увидеть всю разницу отношения к телу, которое культивировали греки, как созерцание части божественного мироздания (микрокосмос и макрокосмос), и которое рассудочно вырабатывали римляне в качестве объективного элемента юридической казуистики. Задача – выработка земной личности, украшенной римскими добродетелями, – у римлян решалась вне какого-то особого культурного внимания к телесности и телесным практикам, по крайней мере, в первые столетия римской цивилизации. В портретах, появившихся в конце республиканской эпохи, личность предстаёт такой, какая она есть, во всей своей бесстрастной сущности. Неслучайно, что в европейской цивилизации для обозначения личности закрепилось латинское слово «*persona*», а не греческое «*πρόσωπικότητα*». Как и латинское слово «*individuum*» (буквально «*неделимый*»), а не аналогичное по значению греческое «*ἄτομος*», которое и у древних греков, и у современных учёных служит для описания универсального, а не единичного. Ю.В. Шанин обоснованно подчёркивает тот факт, статуя победителя Олимпийского агона первоначально не носила индивидуальных черт, а была обобщённого, идеального образа атлета [4]. Возрастающий интерес к конкретному человеку в Древнем Риме выражается в известном историческом феномене римского скульптурного портрета. Для того чтобы римлянин был достоин носить звание римского гражданина «*status civitatis*», он должен был пройти соответствующее воспитание – политическое. А чтобы быть искусным политиком, публичным деятелем, необходимо было овладеть искусством красноречия. Но прежде чем ребёнок попадал в школу, он должен был укрепиться благодаря семейному воспитанию. По мере обретения Римом мирового могущества римляне видели главную цель в повышении сопротивляемости окружающим ребёнку порокам. Здесь современные историки находят интересное для нас сравнение: «... воспитание имело целью закалить характер, пока ещё есть время, чтобы, становясь взрослым, человек был способен сопротивляться заразе комфорта и упадка, которая благодаря порокам современного мира распространилась повсюду. Всё это было немного похоже на то, как мы сейчас пытаемся приучить подростков к занятиям спортом, прекрасно осознавая, что, став взрослыми, они весь остаток своей жизни проведут, сидя за столом в офисе. Таким образом, на практике изнеженности противопоставляется деятельность, *industria* (лат. «старательность, трудолюбие»), которая укрепляет мышцы характера, в то время как праздность их атрофирует» [2, С.30]. В позднюю античность римские обычаи уже были пропитаны определёнными представлениями из греческой культуры, и потому мы здесь видим контроль за состоянием тела греческими методами, что выступает основным гарантом здоровья.

Особое отношение к телу в Древнем Риме формировалось в контексте общего отношения к феномену рабства в древности. В высшем своём проявлении древнегреческая агонистика является апогеем телесной культуры, вышедшей из ритуальных традиций, а в своём упадке (в лице борцов панкратиона) она буквально «падает» в древнеримские гладиаторские бои [1]. Конечно, нынешний уровень сознания и права не даёт современному спорту полностью «упасть» в гладиатарство, но «бои без правил» или драки во время хоккейного матча, как необходимый атрибут спортивного шоу (зрелище древних римлян), на самом деле, лишь количеством повреждений и погибших уступают происходившему в имперских цирках. В начале XX в. серьёзно обсуждался вопрос о запрете в США американского футбола по причине гибели спортсменов во время матчей.

Апофеозом древнеримского отношения к телу явился документ, который возникает в момент перехода от античности к средневековью: «Corpus iuris civilis» («Корпус римского гражданского права») императора Юстиниана, что буквально можно перевести, как «Тело закона». Всё более абстрагирующаяся от реальности римская риторика воплощается в этом «Теле закона», которое создаёт формально-холодное отношение к человеку, являющееся нормой современного бюрократического языка. Человек в результате юридического абстрагирования становится «*физическим* лицом». И тогда человека можно формально определять. Современные исследователи права говорят о том, что именно римляне так обособленно от человека рассматривали понятие личности – субъекта правовых отношений. Примечательно, что это абстрактное лицо затем в Новое время становится «*natural person*», калькированное в русских традициях не как «естественная» или «природная» личность, а с использованием предиката «физическое» (лицо), где греческое «*фюзис*» и есть природа, естество. Но только у древних греков это была не материальная оболочка, а в соответствии с этимологией нечто сущностно бытийное.

Римская цивилизация на протяжении двенадцати веков культивировала политико-юридическую жизнь и добродетели римского гражданина, способствовавших осуществлению этой жизни. Как и в любом другом древнем обществе, в Риме это касалось преимущественно мужчин, хорошо стоящих на земле («гравитас»), рационально, политически и юридически мыслящих, обладающих красноречием, как основным орудием в судебных баталиях и на политических ристалищах. В рациональности и просчитанном прагматизме римлян их забота о телесности и теле осуществлялась лишь в рамках земной необходимости и юридического представления о «теле гражданина» (объекта римского права). Политико-юридическая практика приводит к тому, что формируется новый тип учителя – учитель-оратор, который, в отличие от Древней Греции уже обращается не к целостному человеку, а только к тому, что имеет отношение к речи и мышлению.

Итак, завоёванная Греция оказала культурное воздействие на римлян, но для тех греческие агоны так и не стали сакральными практиками, в центре которых стояло человеческое тело. Общий упадок мистериальных практик (пример императора Нерона, который не только ускоренно произвёл себя в посвящённые Элевсинских мистерий, но и в победители Олимпийского агона 67 (не високосного!) года), декаданс римских добродетелей при росте внешнего могущества империи порождает изнаноchnый культ смерти – гладиаторские бои. Уничтожение тела, как публичное зрелище на особых аренах – цирках, – создаёт в ряде ключевых своих характеристик праобраз будущих спортивных шоу.

Литература:

1. Горончаровский, В. Римские гладиаторы. Жизнь на грани смерти / В. Горончаровский. – М.: Ломоносов, 2015. – 200 с.
2. История частной жизни: Т.1 / Под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 800 с.
3. Новицкий, И. Б. Основы римского гражданского права / И. Б. Новицкий. – М., 2007. – 316 с.
4. Шанин, Ю. В. История античного атлетизма / Ю.В. Шанин. – СПб.: Алетейя, 2017. – 192 с.